

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

© 2019 г. В. Коньшев, Р. Парфенов

*КОНЫШЕВ Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская на-
бережная, 7–9 (konyshev06@mail.ru).*

*ПАРФЕНОВ Роман Викторович, юрисконсульт,
ООО “Балтийский лизинг”, РФ, 190103 Санкт-Петербург, ул. 10-я Красноармейская, 22 лит. А
(parfyonovr@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 18.03.2019.

В статье изучается концепция гибридной войны, которая стала особенно популярна после обострения отношений между Украиной и Россией. К ее особенностям относят комбинирование традиционных и иррегулярных методов противоборства. На основе критического анализа доктринальных документов и экспертных оценок США и России делается вывод, что данное понятие не имеет устоявшихся определений ни в военной, ни в политологической литературе. На примере операции в Крыму 2014 г. показано, что в отношении России концепция гибридной войны используется западными экспертами в политизированном виде для отождествления гибридной войны с внешней политикой государства, доказывая ее милитаристский характер.

Ключевые слова: военное противоборство, гибридная война, военная доктрина, иррегулярная война, нетрадиционная война, угрозы безопасности.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66

Термин “гибридная война” изначально обозначал вооруженные конфликты, которые не могут быть отнесены ни к традиционным, ни к иррегулярным, поскольку в них используются самые разные формы и методы ведения вооруженной и невооруженной борьбы. Новая тенденция ведения войны “размывает” границы между известными ранее типами войн, писал один из авторов этой идеи Ф. Хоффман [1, р. 7]. Всплеск внимания к гибридным войнам произошел после Второй ливанской войны 2006 г. между Израилем и “Хизбаллой”, когда этот термин вошел в оборот как политиков, так и военных.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. он получил еще более широкое употребление. Именно этим термином все чаще пользуются оппоненты России в условиях общего ухудшения отношений с Западом. Более того, термин “гибридная война” применяется не только к конкретным эпизодам, таким как “цветные революции”, но и для характеристики внешней политики государств. Например, российскую политику в отношении Украины или стран Балтии все чаще называют гибридной войной [2].

На Варшавском саммите НАТО в 2016 г. гибридная война активно обсуждалась, и даже было объявлено о создании в перспективе особой “стратегии и предметных планов по их осуществлению, касающихся роли НАТО в противодей-

ствии гибридной войне” [3]. Правда, при этом оговаривалось, что основные обязанности по противодействию гибридной угрозе пока остаются на государстве. Альянсу предлагается рассмотреть вопрос о применимости ст. 5 Договора о коллективной обороне для подобных случаев. Таким образом, в странах Запада наблюдается тренд на постепенное приравнение понятий “гибридная война” и “военная агрессия”. Если это удастся, то появятся легитимные основания для применения силы против государства, создающего гибридную угрозу или развязавшего гибридную войну.

Отсюда возникают вопросы, как определяют понятие “гибридная война”, насколько это явление новое в военном деле, как трактуется понятие гибридной войны на уровне военных доктрин, какое место занимает гибридная война в современной политике?

МЕСТО ГИБРИДНЫХ ВОЙН В ВОЕННЫХ ДОКТРИНАХ США

Обсуждая гибридные методы борьбы, американские эксперты подчеркивают наступление качественно нового этапа в эволюции войн. Новизна этапа состоит, по определению Ф. Хоффмана, в том, что конфликты будущего будут иметь смешанный характер с точки зрения использования традиционных и иррегулярных методов ведения войны.

Рис. Соотношение между типами войн
Составлено авторами.

Однако анализ доктринальных документов Соединенных Штатов показывает, что говорить о появлении концепции гибридных войн как новой формы противоборства преждевременно, так как Пентагон не выработал официального определения. В Уставе психологических операций 2007 г. термин не использован [4]. В Уставе сил специальных операций 2008 г. термин “гибридный” используется при истолковании содержания иррегулярных войн, выражая идею сочетания “иррегулярных, подрывных, традиционных и приводящих к катастрофе методов и средств, чтобы подорвать или нанести ущерб влиянию США и их стратегических партнеров” [5, pp. 1-5]. Термин “гибридный” в сочетаниях с терминами “угроза”, “противоборство” и “война” упоминается и в других документах при описании сложности современных конфликтов и необходимости адаптации к ним американских вооруженных сил.

В Четырехлетнем обзоре оборонной политики за 2010 г. он используется для обозначения таких особенностей современного военного конфликта, как возросшая сложность, множественность участников, включая террористические и криминальные группировки, асимметричность действий противника и в целом размывание традиционных представлений о формах конфликтов [6, p. 8]. По одному разу “гибридная угроза” встречается в Уставе сухопутных войск 2017 г. и Уставе киберопераций и электронной борьбы 2017 г. (в преамбуле), но тоже в самом общем виде – как антоним конвенциональной угрозы [7, pp. 2-61; 8].

Следовательно, самостоятельного и специфического значения термин пока не имеет, зато

многими признаками гибридной войны обладает понятие “иррегулярные войны”. Последнее как раз определено в доктринальных документах как “силовая борьба между государством и негосударственными акторами за легитимность и влияние над населением. Иррегулярная война отдает предпочтение непрямым и асимметричным действиям, хотя может включать полный спектр военных и других средств, с тем чтобы нанести ущерб власти, влиянию и [политической] воле противника” [9, p. 6]. Такую схожесть можно понять, поскольку исторически более позднее понятие “гибридные войны” призвано модернизировать и расширить уже устоявшееся – “иррегулярные войны” – применительно к новым условиям.

Правда, и термин “иррегулярная война” обладает неоднозначностью, так как используется американскими военными в двух значениях: вид прямого вооруженного конфликта (синоним конфликта малой интенсивности) и менее интенсивные, чем вооруженный конфликт, приемы противоборства (повстанчество и контртерроризм). В последнем случае не всегда можно доказать их принадлежность конкретному государству, а сами эти действия могут выходить за рамки международного права [9, p. 6].

В докладе, направленном в Комитет по делам вооруженных сил в палате представителей Конгресса США, отмечается неопределенность термина “гибридная война”, которая приводит к тому, что один и тот же конфликт разные военные ведомства оценивают по-разному. Так, войну России

с Грузией в 2008 г. представители сил спецопераций и сухопутных войск называют традиционной, а представители военно-воздушных сил – гибридной. В корпусе морской пехоты и силах специальных операций считают термин избыточным, в военно-морских силах под гибридными войнами понимают комбинацию традиционных и нетрадиционных¹ средств и методов борьбы. Представители военно-воздушных сил считают, что гибридные войны – это более сложный и интенсивный вариант иррегулярной войны. В итоге в докладе предлагается консенсус по поводу трактовки “гибридных войн”, вводя их в триаду “традиционные”, “иррегулярные” и “гибридные” как особая разновидность конфликтов, включающая не только элементы первых двух, но и имеющая дополнительные особенности [10, р. 16].

С учетом всех приведенных выше вариантов и дискуссий, различия между войнами можно подытожить, как показано на рисунке. Существенных отличий между иррегулярными и гибридными войнами нет, можно говорить лишь о различиях, связанных с различной интерпретацией одних и тех же признаков. Можно сделать вывод, что “гибридность” означает некие инновационные сочетания приемов противоборства, которые прежде соотносили преимущественно с иррегулярной войной. В США четких отличительных признаков “гибридности” на доктринальном уровне пока не выработано.

Часть американских военных считает, что вместо “гибридной войны” предпочтительнее использовать уже разработанную концепцию и соответствующий термин “операции полного спектра” [10, pp. 14-15, 20]. Идея “операций полного спектра” (*full spectrum operations*) была предложена еще в конце 1990-х годов как одно из направлений реформ вооруженных сил США, которые затем активно продвигал министр обороны Д. Рамсфелд. “Полный спектр” предполагает следующие качества:

- способность регулярных сил вести операции различного масштаба;
- одинаково эффективное использование военных и невоенных инструментов;
- готовность к отражению непредсказуемых угроз;
- способность достигать комплексное превосходство над любым потенциальным противником [11, сс. 175-177].

¹ “Нетрадиционная война” означает операции местных нерегулярных формирований против своего государства, которые организованы и управляются внешними силами. “Иррегулярная война” – более широкое понятие, применяется к противоборству государства и негосударственных субъектов за влияние на население. “Нетрадиционная война” – важнейшая часть “иррегулярной войны”.

Такие универсальные функции войска способны обрести при условии внедрения в военное дело достижений информатики, высокоточного оружия и других компонентов, относимых к так называемой “революции в военном деле”. Тем самым, понятие полного спектра применимо и для характеристики угроз, и для способов реагирования на них именно в тех аспектах, которые сегодня вкладываются в понятия гибридных угроз войн. В дальнейшем концепция операций полного спектра стала составной частью концепции совместных/межвидовых операций (*joint operations*), которая делает акцент на сочетание межвидового взаимодействия и на нейтрализацию фактически неограниченного круга угроз. Впрочем, столь амбициозная задача пока не решена на практике.

В научных публикациях встречаются и более радикальные противники концепции гибридных войн, которые обращают внимание на то, что использование этого нечетко определенного термина затрудняет военно-политический анализ, военное планирование и особенно изучение опыта прошлых войн. К этому можно добавить проблему инклюзивности: гибридная война потенциально включает в себя любые методы и средства борьбы, что затемняет специфику войны в противовес политике или иной деятельности. Возражения американских экспертов вызывают не только термин “гибридная война”, но и “иррегулярная война” как противопоставленная традиционной. Иррегулярность ассоциируется с редкостью, отклонением от нормы, несистемностью, относительно меньшей важностью. Но это несколько искусственное противопоставление, возможное лишь в аналитических построениях, поскольку история ясно показывает, что в большинстве войн веками использовались вместе как традиционные, так и иррегулярные методы борьбы [12]. Их противопоставление по типу “или-или” затрудняет понимание взаимосвязи в практическом использовании, а введение еще одного, к тому же нечетко определенного термина “гибридные войны”, только усугубляет эту проблему.

Особый интерес представляет “Белая книга” по противодействию нетрадиционным (*unconventional*) войнам, опубликованная командованием специальных операций сухопутных войск в сентябре 2014 г., где крымские события рассматриваются сквозь призму гибридных войн, что называется, по горячим следам. С американской точки зрения, действия российских военных в Крыму стали синтезом опыта вовлечения Ирана по линии ХАМАС и “Хизбаллы” в ближневосточные конфликты и китайской доктриной “неограниченной войны”, появившейся в 1990-х годах [13]. Суть китайской концепции сводится к тому, что атаковать противника, обладающего подавляющим превосходством,

нужно в уязвимые места, используя нестыковки в системе национальной безопасности, правительстве и обществе. Инструментарий нападения *принципиально ничем не ограничивается* и включает в себя, например, хакерские атаки, создание проблем в финансовой системе, использование терроризма, воздействие через СМИ, вооруженную борьбу в городских условиях и т.д. [14, с. 81]

В “Белой книге” гибридная война определена как “комбинирование традиционных, иррегулярных и асимметричных средств для непрерывной манипуляции политическим и идеологическим конфликтом” [15, р. 3]. Оно близко к “консенсусному” толкованию, приведенному на рисунке. Однако в документе вводится уточнение, связанное с гибридной войной России против Украины. Подготовка специальной операции проводилась на общегосударственном уровне, что означает комбинирование дипломатических, информационных, экономических, финансовых и правовых инструментов [15, р. 4, 5].

Примечательно, что далее основное внимание сосредоточивается на “нетрадиционной”, а не “гибридной” войне. Дело в том, что, согласно документу, Россия в гибридных действиях сделала упор на методы именно нетрадиционной войны, которая в свою очередь является важнейшей частью иррегулярной войны. Место нетрадиционной войны в ряду других видов операций иррегулярной войны показано в таблице.

В “Белой книге” отмечается, что действия России на Украине в 2014 г. полностью отвечают приемам нетрадиционной войны: использование сил специальных операций, сотрудников разведки, политических провокаторов, представителей СМИ, транснациональных преступных элементов на востоке и юге Украины. Цели этой деятельно-

сти состояли в создании хаоса, дестабилизации общественного порядка, провоцировании несоответствующей силовой реакции киевских властей для их дискредитации в глазах населения. России приписывается даже огневая поддержка сепаратистов [15, р. 4]. Видимо, имеется в виду стрельба снайперов по толпе во время киевского переворота, поскольку в Крыму оружие не применялось обеими сторонами. Правда, в документе военное ведомство использует ссылки на материалы госдепартамента (в частности, оценки В. Нуланд), которые носят ангажированный характер, поскольку она сама участвовала в разжигании протестов непосредственно в Киеве.

Таким образом, на доктринальном уровне новации в методах нетрадиционной войны связаны с изменением спектра угроз и фигурантов конфликта, формирующие то качество, которое делает войну уже не просто иррегулярной, а гибридной. Еще одна особенность гибридных войн – их длительный характер, что требует превентивной и продолжительной политики противодействия, организованной на государственном уровне. Однако на уровне планирования и проведения операций ключевыми остаются участники, методы и средства нетрадиционной войны, что лишнее раз говорит о том, что концепция “гибридной войны” пока находится на стадии становления. Отсюда и способ противодействия США гибридным угрозам со стороны России, Ирана и Китая предлагается называть “Противодействие нетрадиционным войнам”. С учетом того, что гибридные угрозы носят долговременный характер, предлагается на несколько десятилетий вперед придать доктрине противодействия нетрадиционным войнам главенствующий статус в составе стратегии безопасности США и НАТО.

Таблица. Виды операций в рамках иррегулярной войны с участием США

Описание	Движущая сила	Роль США	Последствия	Незаметность
Нетрадиционные операции	Повстанцы	Советники	Незначительные	есть
Привлечение внешних сил для обеспечения безопасности государства	Принимающее правительство	Советники	От небольших до значительных	возможна
Противоповстанческие операции	Правительство США	Поддержка принимающего правительства в противодействии повстанцам	От значительных до масштабных	нет
Контртеррористические операции	Правительство США или принимающее правительство	Уничтожение тайных сетей, использующих террор как тактическое средство	Небольшие	есть
Операции стабилизации	Принимающее правительство	Стабилизация нестабильного принимающего правительства	От небольших до масштабных	нет

Источник: [15, pp. 10-11].

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ЭКСПЕРТЫ О ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ

В российской военной доктрине концепция гибридной войны в последние годы специально не разрабатывалась, а сам термин вошел в употребление уже после того, как стал популярен на Западе в последние три-четыре года. Но тема ненасильственной смены власти и широкого применения невоенных методов противоборства имеет богатую традицию в российской военной мысли. Будет достаточно привести цитату из идейного наследия Е.Э. Месснера: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента рождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением» [16]. Эти идеи затем нашли развитие в дискуссиях о природе современной войны [17].

В современной истории комплекс теоретических и практических проблем, связанных с изменениями в характере современной войны, обсуждался военными на фоне осмысления уроков длительной борьбы с бандформированиями на Северном Кавказе, войны с Грузией (2008 г.), серии «цветных революций» в Северной Африке, на Украине (2014 г.), а также итогов Сирийской кампании (2011–2018 гг.). В отличие от США, где специалисты главным образом озабочены рисками, возникающими для американских вооруженных сил при использовании противником гибридных методов, российские военные особое внимание обращают на связь «цветных революций» с политикой. «Цветные революции» воплощают собой главное средство достижения политических целей гибридной войны — ненасильственную смену власти в других государствах [18].

Внимание российских военных направлено на ситуации, когда достаточно стабильные государства неожиданно быстро вовлекались в вооруженный конфликт, стремительно разрушались государственные институты, и затем общество погружалось в хаос. Важнейшей составляющей гибридной войны считается информационное воздействие, что косвенно подтверждается количественными оценками их совместной встречаемости в текстах [19, с. 98]. Гибридное воздействие

создает возможность привести к власти нужную политическую группировку без прямого силового воздействия и захвата территории, а только за счет манипулятивных средств. Стала менее различима грань между состоянием мира и войны, а роль невоенных способов противоборства возросла. Согласно оценкам Генерального штаба, соотношение между военными и невоенными методами борьбы составляет 1:4 [20, с. 6].

В 2013 г. начальник Генерального штаба В. Герасимов отметил, что назрела необходимость понять роль военных в условиях изменившихся войн, в которых изменились как традиционные, так и нестандартные формы противоборства. В российской военной науке уделялось недостаточное внимание разработке нестандартных форм противоборства, включая асимметричные действия. В статье «Ценность науки в предвидении» В. Герасимов сформулировал новые особенности войны, не употребив термин «гибридная война». «Акцент используемых методов противоборства, — пишет он, — смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе...» [21]. Позже из этих слов западные эксперты задним числом вывели «концепцию гибридной войны Герасимова», которая якобы и была реализована во время кризиса на Украине и в Сирийском конфликте.

В России военные понимают под гибридными действиями «комплексное применение политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу». Однако само понятие «гибридные войны» нередко сопровождается словосочетанием «так называемые». Тем самым очевидно, что это понятие не является для военных чем-то принципиально новым. Речь идет лишь об изменениях в планировании, проведении и использовании специфических инструментов в ходе современных военных конфликтов. Показательно, что в качестве синонимов гибридным методам используются термины «непрямые действия» и «асимметричные действия», известные со времен Сунь-Цзы и в различных вариациях воспроизведенные как в практике войны, так и в советской/российской и зарубежной военной мысли XX — начала XXI в. [16; 22; 23; 24]

Поясняя этот термин, В. Герасимов отметил, что если так называемые гибридные методы проти-

вооруженных воюющих сторон “могут использоваться и без открытого применения военной силы, то классические боевые действия без гибридных — уже нет. Яркий пример — конфликт в Сирии”. В этом смысле современные военные конфликты отличает стремление достигнуть политических целей с минимальным открытым вооруженным воздействием на противника. Другими отличительными чертами гибридных действий являются отсутствие формального объявления войны и малопредсказуемые дальнейшие последствия, поскольку общество предельно дестабилизируется и дезорганизуется во всех аспектах жизни.

Если говорить более конкретно, в гибридных действиях упор делается на быструю внутреннюю дестабилизацию государства за счет подрыва военного и экономического потенциала, масштабных информационно-психологических операций с максимально широким охватом населения, поддержки внутренней оппозиции и экстремистских организаций различного толка, а также использования методов повстанческой, диверсионной и террористической борьбы [25].

Давая оценку концепции гибридной войны, российские эксперты подчеркивают, что речь не идет о ее принципиальной новизне. В этом плане под гибридной войной следует понимать совокупность конкретных решений по комбинированию методов, продиктованную конкретными обстоятельствами [26]. Воплощаясь на практике, эти решения показывают меняющийся образ войны, который при этом не изменяет своей природе. Конечно, используемый инструментарий расширяется и совершенствуется по мере эволюции военного дела и особенно внедрения достижений научно-технической революции, но это не влияет на суть вопроса. Ведь идея “троянского коня” никак не меняется от распространения Интернета, скорости передачи информации и создания высокоточного оружия.

В то же время меняющийся образ войны требует особого внимания, в частности, эксперты отмечают такую особенность, как нарастание нелинейности в случае гибридных действий. Этот эффект, отмеченный еще К. фон Клаузевицем, означает, что могут возникнуть условия, которые способны так усилить последствия от малых событий, что радикально изменится ход военной кампании. К таким “катализаторам” А. Бартош относит организацию техногенных катастроф, теракты на коммуникациях, убийства политических лидеров [20, с. 10]. Перед политиками, теоретиками и практиками войны встает задача не только адаптировать оборонную политику государства к наступающей эпохе гибридных войн, но и военно-политические механизмы, которые бы не позволили перерастать

малым, периферийным конфликтам в масштабную войну [19, с. 86].

ОПЕРАЦИЯ В КРЫМУ — ВОПЛОЩЕНИЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ?

Ярким и успешным примером гибридной войны на Западе называют специальную операцию Вооруженных сил России в Крыму 26–28 февраля 2014 г., причем успех операции зарубежные эксперты связывают именно с гибридностью действий российских военных. По их мнению, “гибридность” состояла в быстром развертывании ВС РФ в Крыму, ведении РЭБ, масштабных информационных операций на внешнюю и российскую массовую аудиторию, широкое использование сил спецопераций — “вежливых людей” без опознавательных знаков, одновременные действия повстанческих сил и регулярных частей.

Таким образом, гибридная война связывается с новым типом угроз, требующих реагирования НАТО и отдельных стран, которые оказались не готовы к подобным действиям России. Гибридная война объявляется серьезным вызовом безопасности, поскольку находится в “серой зоне” действий (это не очевидный акт агрессии), затрудняя прямую апелляцию к ст. 5 Североатлантического договора. Более того, в альянсе раздавались голоса, что РФ стала еще более опасной, чем в годы холодной войны, потому что использует методы гибридной войны. Эксперты *RAND Corporation* усматривают следы гибридной войны России чуть ли не по всему миру [27]. Эту тему подхватили Украина и страны Балтии, на территории последних в июне 2018 г. прошли учения спецназа *Trojan Footprint 18* по отражению гибридной угрозы. В учении приняли участие 2 тыс. военнослужащих специальных подразделений из 13 стран [28].

Для начала следует разобраться, насколько же состоятельны суждения о действиях российских военных в Крыму в свете доктрины гибридных войн?

Быстрое развертывание. На самом деле в Крыму уже были дислоцированы российские военнослужащие, согласно приложению 2 к Соглашению о разделе Черноморского флота от 28 мая 1997 г. [29] Их количество не превышало 25 тыс., а дополнительные переброшенные туда силы также не нарушали количественные лимиты. По оценкам российских экспертов, которые не были опровергнуты за рубежом с отсылкой к данным объективного контроля, дополнительно было переброшено не более 1700 человек [30]. Украина до конца операции так и не денонсировала упомянутое Соглашение, так что никакого быстрого развертывания не было. Попутно заметим, что с правовой точки зрения не было и оккупации, если под этим пони-

мать ввод войск, занятие территории и введение внешнего управления.

Масштабные информационные операции. Активной пропаганды, направленной на массовое сознание, накануне кампании по воссоединению как на территории Крыма, так и в России, не велось. В этом аспекте действия российских военных оказались неожиданными. Кремль скорее замалчивал суть происходящих событий и конечные цели “вежливых людей”. Массовая поддержка лозунга “Крым – русская земля” не требовала убеждать подавляющее число граждан ни в Крыму, ни в России, о чем говорили проведенные социологические опросы еще до обострения ситуации². Незаконный переворот в Киеве, репрессии, угрозы в адрес крымчан, обещание прислать поезд с боевиками “Правого сектора” привели не просто к росту про-российских настроений, но и к тому, что население полуострова готовилось к открытому конфликту еще до прибытия “вежливых людей”, которые были восприняты как помощь и защита³. В Севастополе отряды самообороны начали формировать уже 23 февраля, сразу после переворота в Киеве⁴.

Что касается украинских военных, большая часть из которых призывалась из Крыма, то предложение российских переговорщиков перейти на службу России, вполне понятно, вызвало положительный отклик. По данным военной прокуратуры Украины, только 6 тыс. из 20 тыс. военнослужащих пожелали вернуться на Украину для продолжения службы [31]. Российские и украинские военные обоюдно избегали кровопролития, и здесь не было каких-то особых ухищрений.

Кибероперации. Военная инфраструктура Украины в Крыму не имела значительной информационной составляющей в плане разведки, наблюдения, управления и командования войсками, поэтому о киберпространстве в Крыму как поле противостояния между Украиной и РФ едва ли можно говорить серьезно. Есть лишь сведения о блокировании связи при захвате военных объектов [32], однако украинское руководство сохраняло спецсвязь с базами и воинскими частями в Крыму,

что подтвердил зам. начальника Управления информационных технологий Минобороны Украины С. Галушко в интервью Русской службе ВВС. По его словам, проблема была вовсе не в связи, а в том, что киевским руководством так и не был введен правовой режим состояния войны либо другой специальный режим. Приказа на применение оружия украинским военным не поступало, а командиры частей не хотели брать на себя ответственность, хотя имели все полномочия для защиты военных объектов от нападения [33].

Широкое использование специальных сил, комбинирование регулярных и повстанческих сил. Эффективность действий российских военных объясняется поддержкой местного населения, создавшего отряды ополчения (около 5 тыс. человек), которые участвовали в блокировании украинских военных объектов⁵. Это, в частности, парализовало действия украинских военных, выходцев из Крыма. Но ведь комбинированные действия регулярных вооруженных сил, включая опору на местных ополченцев, действия военных без опознавательных знаков и сил спецопераций можно увидеть во многих конфликтах настоящего и прошлого. Так что в этом плане особых концептуальных новаций не было.

Другое дело, что умелая маскировка, неожиданность, слаженность и быстрота действий российского спецназа удивили западных экспертов, но такие же задачи решает спецназ других государств по всему миру. В итоге американская разведка отвлеклась на сосредоточение крупной группировки российских войск на восточной границе Украины, ожидая с этого направления основных действий, и не обнаружила, что они в это время уже устанавливали контроль над Крымом [34].

Действия спецназа в Крыму были поддержаны группировкой российских кораблей в Средиземном море, а также приведенными в боевую готовность силами авиации Западного военного округа. Это сковывало американскую авианосную группу. Американский эсминец “Дональд Кук”, находившийся непосредственно в Черном море, вынужден был отойти от берегов Крыма, так как российские войска обозначили для технических средств американской разведки развернутые комплексы “Бастион”. Украинские же ВМС были блокированы в местах базирования и не имели возможности оказать влияние на события. В этих действиях также нет ничего сверхнового с точки зрения организации операций.

² Филиппов А. Крым выбрал Россию и не пожалел об этом. [Filipov A. *Krym vybral Rossiyu i ne pozhalet ob etom* [Crimea chose Russia and did not regret it]]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/02/13/crimea/> (accessed 09.09.2019).

³ Перевозкина М. Крым: кто первый начал? Предыстория весны цвета хаки. [Perevozkina M. *Krym: kto pervyy nachal? Predystoriya vesny tsveta khaki* [Crimea: who started it first? The prehistory of spring khaki]] Available at: <https://www.mk.ru/politics/article/2014/03/05/994188-kryim-kto-pervyy-nachal-predystoriya-vesnyi-tsveta-haki.html> (accessed 09.09.2019).

⁴ Год назад, 23 февраля, было создано Народное Ополчение Крыма. [A year ago, on February 23, the Crimean people's Militia was created (In Russ.)] Available at: <https://ruinform.com/page/god-nazad-23-fevralja-bylo-sozdano-narodnoe-opolchenie-kryma>(accessed 09.09.2019).

⁵ Секреты вежливости: как российская армия сбита с толку американскую разведку. [Politeness secrets: how the Russian army baffled American intelligence (In Russ.)] Available at: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201503160810-ntv6.htm> (accessed 09.09.2019).

Не стоит сбрасывать со счетов низкую мотивированность, обученность и боеспособность украинской армии, а также состояние материально-технической части. По горячим следам операции, уже в марте 2014 г., в докладе и.о. министра обороны И. Тенюха на имя и.о. президента А. Турчинова указывалось на удручающее состояние вооруженных сил: примерно 10–20% военнослужащих могут выполнять свои задачи, 70% бронетехники устарели и требуют ремонта и замены, только четыре корабля были “условно боеспособны”, которые “какие-либо действия, способные представлять угрозу Черноморскому флоту, ...проводить неспособны”, ПВО не может обеспечивать защиту воздушного пространства, в военно-воздушных и военно-морских силах только 15% самолетов и вертолетов исправны [35].

* * *

Таким образом, в случае крымских событий 2014 г. “гибридность” на поверку оказывается умением учесть специфику конфликта и уязвимые места Украины, используя хорошо известные приемы борьбы, а не мифологизированное ноу-хау. Налицо попытка политизации событий странами Запада, направленная на преувеличение внешнего фактора в событиях в Крыму и одновременно на отвлечение от реальных причин поражения Украины, связанных с русофобской политикой, расколом общества, развалом государственных институтов, включая вооруженные силы. Все это помножено на растерянность киевского режима, незаконно пришедшего к власти в 2014 г. при прямой поддержке США и Запада в целом. Активное вбрасывание темы гибридной войны в политический дискурс маскирует истинное положение дел и служит инструментом влияния на события в Донбассе, на отношения России и стран Прибалтики, России и Запада в целом. Показательно, что согласно проведенному статистическому анализу, взрывной интерес к теме гибридной войны в англоязычной научной литературе пришелся как раз на 2014 г. [19, с. 97].

Чрезмерную политизацию концепции гибридной войны можно расценить и как попытку компенсировать тот факт, что Запад просмотрел качественный рывок в реформе и перевооружении российской армии, о чем заявил генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен [36]. Как представляется, на фоне кризиса НАТО, связанного с требованием США к странам Европы увеличить свои финансовые взносы, тема гибридной войны используется для консолидации альянса. Одновременно она используется для того, чтобы внедрить в общественное сознание тезис о милитаризации российской внешней политики. Кроме того, преподнесение гибридной войны как ноу-хау, якобы дающего России особое преимущество, которое

необходимо сбалансировать, позволяет затушевать очевидное — на территории Украины и в других проблемных странах идет противоборство РФ и США схожими методами.

С политической точки зрения, ажиотаж вокруг гибридной войны связан не только с конъюнктурными соображениями отдельных государств или их коалиций, но и с объективной тенденцией к росту удельного веса тайной дипломатии, методов иррегулярной войны, активизации деятельности спецслужб. В свою очередь, эти процессы стали следствием перераспределения сил в мировой политике, которое неизбежно сопровождается кризисом международных организаций, международного права и превалированием двусторонних отношений над многосторонними. Новые формы противоборства также возникают под влиянием процессов глобализации, которая способствует росту прозрачности межгосударственных границ для перемещения людей, товаров, финансов, технологий. Эрозия суверенитета делает уязвимым любое современное государство, создавая соблазн гибридного воздействия.

В военном деле США и России (да и в других странах) гибридная война пока не получила окончательного оформления как самостоятельный вид противоборства. В то же время тенденция к использованию гибридных методов в современных конфликтах сохраняется. В США считают, что эти методы востребованы на десятилетия вперед, поэтому необходимо разрабатывать особую стратегию, позволяющую мобилизовать необходимые ресурсы в государственных масштабах, учитывая многоаспектность гибридного воздействия. Аналогичное понимание проблемы сложилось и в РФ, о чем говорит программа принятых мер по объединению межведомственных усилий по обеспечению военной безопасности России [18, с. 21]. Пока содержание этой доктрины сводится к комбинированию уже известных средств, способов и методов противоборства военного, полувоенного и невоенного характера.

Важно иметь в виду, что феномен гибридной войны эволюционирует в двух направлениях. С точки зрения военных, гибридная война остается зонтичным понятием для анализа особенностей современных военных конфликтов и поиска оптимальных путей для адаптации оперативного искусства к меняющимся условиям и способам противоборства. Второе направление эволюции, которое заслуживает отдельного изучения, связано с политическим дискурсом. Поскольку на военнодоктринальном уровне концепт гибридной войны окончательно не сформирован, в политической полемике он нередко используется как средство манипуляции, потому что туда можно включить все, что угодно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hoffman F. *Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars*. Available at: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf (accessed 10.06.2018).
2. Caryl C. *If You Want to See Russian Information Warfare at its Worst, Visit These Countries*. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2017/04/05/if-you-want-to-see-russian-information-warfare-at-its-worst-visit-these-countries/?noredirect=on&utm_term=.4b778df7877f (accessed 02.06.2018).
3. *Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве, 9 июля 2016 г. (пункт 72)*. [Statement on the Results of Meeting on the Highest Level in Warsaw, 9 July 2016, statement 72 (In Russ.)] Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (accessed 10.07.2018).
4. *FM 3-05.301. Psychological Operations Process Tactics, Techniques, and Procedures*. Washington, Department of the Army, 2007. Available at: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-PsyOpsTactics.pdf> (accessed 01.05.2018).
5. *FM 3-05.130. Army Special Operations Forces Unconventional Warfare*, Washington, Department of the Army. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-05-130.pdf> (accessed 01.05.2018).
6. *Quadrennial Defense Review Report*. Washington, Department of Defense, 2010. Available at: <https://comw.org/qdr/fulltext/1002QDR2010.pdf> (accessed 11.06.2018).
7. *FM 3-0. Operations*. Washington, Department of the Army, 2017. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-0.pdf> (accessed 12.04.2018).
8. *FM 3-12. Cyberspace and electronic warfare operations*. Washington, Department of the Army, 2017. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-12.pdf> (accessed 10.05.2018).
9. *Irregular Warfare. Joint Operating Concept*. Washington, Department of Defense, 2007. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/iw-joc_v1_2007.pdf (accessed 22.06.2018).
10. *Hybrid Warfare. Briefing to the Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities. Committee on Armed Services, House of Representatives*. September 10, 2010. Available at: <https://www.gao.gov/assets/100/97053.pdf> (accessed 09.07.2018).
11. Конышев В.Н., Сергунин А.А. *Современная военная стратегия*. Москва, Аспект Пресс, 2014. 272 с. [Konyshev V.N., Sergunin A.A. *Sovremennaya voennaya strategiya* [Modern Military Strategy]. Moscow, Aspect-Press, 2014. 272 p.]
12. Vacca W., Davidson M. The Regularity of Irregular Warfare. *Parameters*, 2011, vol. 41, no. 1, pp. 18-34.
13. Liang Q., Xiangsui W. *Unrestricted Warfare: China's Master Plan to Destroy America*. Panama City, Pan American Publishing Company, 2002. 227 p.
14. Арзуманян Р.В. *Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения*. Михайловский А.Б., ред. Москва, Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014. 334 с. [Arzumanyan R.V. *Strategiya irregulyarnoi voiny: teoriya i praktika primeneniya* [Irregular Warfare Strategy: Theory and Practices of Application]. Mikhailovskii A.B., ed. Moscow, Center for Strategic Estimations and Prognosis, 2014. 334 p.]
15. *Counter-Unconventional Warfare. White paper*. Available at: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CountenconventionalWarfare.pdf> (accessed 09.07.2018).
16. Месснер Е.Э. *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Москва, Военный университет, Русский путь, 2005. 696 с. [Mesner E.E. *Khochesh' mira, pobedi myatezhevoynu!* [If You Want Peace Win Myatezhevoynu!] Moscow, Voennyi universitet, Russkii put', 2005. 696 p.]
17. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность. *Проблемы национальной стратегии*, 2013, № 4, сс. 100-114. [Konyshev V.N., Sergunin A.A. Diskussii o voynakh budushchego v rossiiskom ekspertno-analiticheskom soobshchestve: mify i real'nost' [Discussions about Future Wars within Russian Expert Community]. *Problemy natsional'noy strategii*, 2013, no. 4, pp. 100-114.]
18. Герасимов В.В. Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником “традиционных” и “гибридных” методов ведения войны. *Вестник Академии военных наук*, 2016, № 2(55), сс. 19-23. [Gerasimov V.V. Organizatsiya oborony Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh primeneniya protivnikom “traditsionnykh” i “gibridnykh” metodov vedeniya voiny [Guideline to Defend Russian Federation in the Conditions of the Use “Traditional” and “Hybrid” Methods if Warfare]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, 2016, no. 2(55), pp. 19-23.]
19. Николайчук И.А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации. *Проблемы национальной стратегии*, 2016, № 3(36), сс. 85-104. [Nikolaichuk I.A. O sushchnosti gibridnoi voiny v kontekste sovremennoi voenno-politicheskoi situatsii [About Essence of Hybrid War in the Context of modern military-political environment]. *Problemy natsional'noy strategii*, 2016, no. 3(36), pp. 85-104.]
20. Бартош А.А. “Трение” и “износ” гибридной войны. *Военная мысль*, 2018, № 1, сс. 5-13. [Bartosh A.A. “Trenie” i “iznos” gibridnoi voiny [“Friction” and “Wear” of the Hybrid War]. *Voennaya mysl'*, 2018, no. 1, pp. 5-13.]
21. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. *Военно-промышленный курьер*, 26.02.2013. [Gerasimov V.V. Tsennost' nauki v predvidenii [The Worth of Science Consists in Prediction]. *Voенно-promyshlennyyi kur'er*, 26.02.2013] Available at: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (accessed 04.07.2018).
22. Лиддел-Гарт Б.Х. *Стратегия непрямых действий*. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1957. 536 с. [Liddle-Hart B. *Strategiya nepryamykh deistvii* [Strategy: the Indirect Approach]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury, 1957. 536 p.]

23. Miles F. *Asymmetric warfare: an historical perspective*. Carlisle Barracks, U.S. Army War Colledge, 1999. 47 p.
24. Най Дж. *Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике*. Новосибирск, Фонд “Тренды”, 2006. 221 с. [Nye J. *Gibkaya vlast’: kak dobit’sya uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: How to Success in World Politics]. Novosibirsk, Fond “Trendy”, 2006. 221 p.]
25. Герасимов В. По опыту Сирии. *Военно-промышленный курьер*, 07.03.2016. [Gerasimov V. По опыту Сири [Basing on Syria Experience]. *Военно-промышленный курьер*, 07.03.2016.] Available at: <https://vpk-news.ru/articles/29579> (accessed 02.07.2018).
26. Пухов Р. Миф о “гибридной войне”. *Независимое военное обозрение*, 25.05.2015. [Pukhov R. Mif o “gibridnoi voine” [Myth about Hybrid War]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 25.05.2015.] Available at: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-29/1_war.html (accessed 02.07.2018).
27. Chivvis C. *Understanding Russian “Hybrid Warfare” and what can be done about it*. CT-468. *Testimony presented before the House Armed Services Committee on March 22, 2017*. Available at: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html> (accessed 03.07.2018).
28. Спецназ стран НАТО отработал “угрозу гибридной войны” в Балтии. [Special Forces from NATO States Worked off the “Threat of Hybrid War” in the Baltic Region (In Russ.)] Available at: https://ru.sputnik-news.ee/estonian_news/20180609/11083063/Specnaz-NATO-uchenija-Baltija-estonia-Trojan-Footprint.html (accessed 01.07.2018).
29. *Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 г.* [Agreement between Russian Federation and Ukraine on Parameters of the Black Sea Fleet Redistribution, May 28, 1997 (In Russ.)] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1902222> (accessed 02.05.2018).
30. Ширяев В. Вежливые люди в Крыму: как это было. *Новая газета*, 17.04.2014. [Shiryayev V. Vezhliyve lyudi v Krymu: kak eto bylo [Gentle Men in Crimea: How it Has Happened]. *Novaya gazeta*, 17.04.2014.] Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/17/59255-171-vezhliyve-lyudi-187-v-krymu-kak-eto-bylo> (accessed 22.06.2018).
31. Матиас обнародовал количество украинских военных, которые остались в оккупированном Крыму. [Matias Disclosed the Number of Ukrainian Military who Stayed in Occupied Crimea (In Russ.)] Available at: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/matios-obnarodoval-kolichestvo-ukrainskih-voennyh-kotorye-ostalis-v-okkupirovannom-krymu-574354.html> (accessed 22.06.2018).
32. *Работа Сил специальных операций России в Крыму в 2014 году*. [Job of Russian Special Forces in Crimea in 2014 (In Russ.)] Available at: <http://www.militarycolumnist.ru/russian-special-forces-in-crimea/> (accessed 22.06.2018).
33. *Как России удалось взять Крым без боя?* [How Russia could seize Crimea without battle? (In Russ.)] Available at: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150320_crimea_film_battle (accessed 22.06.2018).
34. *США не знают, “что на уме у Путина”: провал американской разведки в Крыму*. [The U.S. Don’t Know What is “on Putin’s Mind”: the Failure of American Intelligence in Crimea (In Russ.)] Available at: <https://regnum.ru/news1782397.html> (accessed 22.06.2018).
35. *Источник: Минобороны Украины доложило Турчинову о критическом состоянии войск*. [Source: Ukrainian defense ministry reported to Turchinov about critical state of armed forces (In Russ.)] Available at: <https://vz.ru/news/2014/3/12/676774.html> (accessed 22.06.2018).
36. *Немецкие СМИ: В “Красной армии Путина” произошло невероятное развитие*. [German Mass-Media: in “Putin’s Red Army” Unbelievable Progress has Happened (In Russ.)] Available at: <https://vz.ru/news/2014/4/16/682387.html> (accessed 22.06.2018).

HYBRID WARS – BETWEEN MYTH AND REALITY

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56-66)

Received 18.03.2019.

Valery N. KONYSHEV (konyshev06@mail.ru),

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Roman V. PARFENOV (parfyonovr@gmail.com),

Baltic Leasing, 22, lit. A, 10-th Krasnoarmeyskaya Str. St. Petersburg, 190103, Russian Federation.

The article explores the concept of a hybrid war, which became especially popular in the aftermath of the Ukrainian crisis in 2014. Hybrid warfare implies combining of traditional and irregular methods of confrontation. Since the doctrine first appeared in the United States, the authors analyze the place of the concept of hybrid war in American doctrinal documents regulating the use of armed forces. From a military point of view, the hybrid war is not yet a substantive type of operations. A close understanding of hybrid warfare is demonstrated by the Russian military. At the same time, in the West, the poorly defined term “hybrid war” is actively used to define Russia’s operation in the Crimea in 2014. The authors show that the activity of the Russian military in the Crimea was not so “hybrid” to ensure by this attribute itself the success of the campaign. The deployment of large forces, large-scale maintenance of information operations and electronic warfare, organization and support of insurgent troops – all this turned out to be myths. From the Western point of view, the political use of the hybrid warfare concept is the most important one. It performs at least three functions. First, the West’s attention to the hybrid warfare concept can be explained by its aspiration to obscure the true reasons why Ukraine was unable to keep its grip over Crimea and finally lost it very

quickly. In reality, Ukraine has lost Crimea not because of the Russian military and covert operation, but because the new Kiev nationalistic regime resulted from the February 2014 coup d'état simply alienated the Russian population of Crimea by its Russo-phobic policies. Moreover, the Ukrainian armed forces and police units deployed to Crimea did not support the illegitimate regime in Kiev. Some of them preferred to join the Russian army, navy, special service and police. Secondly, the West often uses the hybrid warfare concept in a broader way trying to represent entire Russia's foreign policy – not only the Crimean operation – as a perpetual hybrid warfare. Some Western countries believe that this will help to demonize Vladimir Putin's regime and its international course. Third, by ascribing Moscow the hybrid warfare instincts the West, in fact, tries to mask its own inclination towards this kind of strategy. The U.S. and their NATO allies systematically demonstrate their willingness to organize "color revolutions" throughout the world, which are mostly based on the hybrid warfare technologies.

Keywords: warfare, hybrid war, military doctrine, irregular war, unconventional war, security threats.

About authors:

Valery N. KONYSHEV, Doctor of Political Science, Professor.

Roman V. PARFENOV, Mandatory Legal Counsel.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66